

Александр Данилов

Высшие и Равные

<https://litres.ru/74065906>

SelfPub; 2026

Аннотация

"Они жили на верху-мы выживали внизу." Тёмное фэнтези о мире, где твоё место определено с рождения. И о тех кто осмеливается посмотреть вверх.

Содержание

Глава 1. Ильдин.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Александр Данилов

Высшие и Равные

Глава 1. Ильдин.

Бухта Ильдин в этот ранний час напоминала растревоженный муравейник. Она была вырезана в скалистом берегу наподобие гигантской подковы, защищенной от открытого моря двумя каменными косами, что уходили в воду, словно клешни краба. На их оконечностях, там, где волны разбивались о камни, век назад поставили маяки чайки вили гнезда прямо в трещинах кладки. Сама вода в бухте, даже в утреннем свете, казалась тяжелой, маслянистой, цвета старого свинца — отбросы с кораблей и портовых боен делали свое дело.

Торговая гавань, раскинувшаяся у подножия Черной скалы, жила своей жизнью, не затихающей ни на миг. Десятки судов теснились у причалов — от грузных пузатых коггов, способных увезти в своем чреве сотню быков, до юрких шхун для быстрых доставок. Погрузка шла по-военному слаженно, хотя стоял невообразимый шум.

У самых больших причалов, там, где вода была глубже, стояли три корабля они отличались от всего остального были чистыми борты блистели как золото паруса были белоснеж-

ными сияли как шелк.. К ним вели широкие сходни. В один корабль грузчики, обливаясь потом, таскали тяжелые мешки с зерном. Мешки были добротные, холщовые, с нашитыми бирками с гербами — каждое зернышко шло на учет, каждая мера была сосчитана в амбарах губернаторов. У другого стоял отдельный загон, куда загоняли скот. Быки мычали, упирались, не желая подниматься по трапам в трюмы, и матросы охаживали их палками, матерясь сквозь зубы. Овцы блеяли жалобно, тонко, и их блеяние смешивался с криками чаек и скрипом лебедок. В третий корабль поднимались молодые девушки в красивых платьях.

Отдельно, под навесами, грузили ящики с вином — их опускали в трюмы осторожно, на веревках, чтобы не разбить драгоценную тару.

Выше гавани, над всей этой суетой, нависал город. Он лепился к склону Черной скалы, словно птичьи гнезда к отвесной стене. Дома здесь были прижаты друг к другу, тесные, с черепичными крышами, с балконами, нависающими один над другим так, что соседи могли подать друг другу руку через улицу. Узкие, кривые улочки, вымощенные булыжником, петляли между ними, то поднимаясь вверх лестницами, то ныряя в темные арки. Воняло здесь не столько рыбой, сколько отбросами, что выплескивали из окон прямо под ноги прохожим, и дешевыми благовониями, которыми торговцы пытались перебить эту вонь в своих лавчонках. Этот город жил своей, особой жизнью — жизнью ремесленников,

воров, продажных женщин и отчаявшихся бедняков.

И надо всем этим, на самой вершине Черной скалы, возвышался замок.

Он был не просто строением — он был утверждением власти, высеченным в камне. Массивные стены из черного базальта, добытого, как говорили, в каменоломнях самого Ада, уходили в небо на добрых пятьдесят локтей. Башни — взмывали вверх острыми шпилями, на которых, даже сейчас, на рассвете, горели магические огни, не затухающие ни днем, ни ночью. Главная башня, Донжон Власти, была выше остальных, и на ее плоской вершине, говорят, был разбит сад, где росли деревья, привезенные с далекого континента короля.

Замок не был единым целым с городом. Между последними лачугами и первыми укреплениями лежала широкая, пустая полоса — выжженная земля, где не росло ни травинки. Там, на этом пустыре, патрулировала стража, и любого, кто осмеливался ступить на эту землю без разрешения, ждала смерть на месте. Это был не просто ров или укрепление — это было напоминание. Напоминание о том, что те, кто внизу, и те, кто наверху, разделены не просто расстоянием, а пропастью, которую нельзя перейти.

В скале, прямо под замком, были вырублены ворота — единственный путь наверх. Широкая дорога, вымощенная белым камнем, серпантином вилась по склону, охраняемая тремя рядами укреплений. Подъем по ней занимал час быст-

рым шагом, но для тех, кто жил внизу, это была дорога в один конец — если только ты не нёс дань или не вёз провизию к столу господ.

Сейчас, в утреннем свете, замок казался особенно прекрасным и особенно чужим. Солнце золотило его шпили, играло на витражах окон, и он сиял там, наверху, как драгоценность в короне, до которой простым смертным никогда не дотянуться.

Сэм смотрел на этот замок и чувствовал, как в груди поднимается знакомая, глухая злоба. Злоба на то, что где-то там, за этими стенами, люди просыпаются в шелках, едят с золота и пьют вино, пока здесь, внизу, рыбаки доедают вчерашнюю уху и молятся, чтобы сети не порвались. Эта злоба была с ним столько, сколько он себя помнил.

Именно здесь, в этом царстве упадка, шестнадцатилетний Сэм помогал своему дяде Эрну перебирать улов.

Эрн, мужчина с лицом, словно вырезанным из старого дуба штормами, молча перебирал серебристые тушки сельди. — Красного тунца — в ящик с льдом. И крабов побольше. Не этих, — он пнул ногой мелкого краба, — а тех, что с синим панцирем. Для Замка. — Опять для них, — пробормотал Сэм, с силой швыряя тунца в указанный ящик. Его руки, сильные от работы, были покрыты сетью мелких шрамов и вечно пахли рыбой. Эта вонь въелась в него, как в смоленные доски их хижины. — Не бормочи. Благодаря им у нас есть медные монеты, а не просто рыба на ужин. — Благодаря

им у нас нет ничего, кроме рыбы на ужин, а монеты ты пропиваешь в таверне — огрызнулся Сэм, но тихо, чтобы дядя не расслышал. Он смотрел поверх крыш лачуг туда, где на отвесной Черной скале, подобная наглому стражу, возвышалась цитадель губернатора. Ее башни, даже в утренней дымке, сверкали бледным мрамором. Там, наверху, жил губернатор и те, кто ему служил. Они правили, они владели, они потребляли. А он, Сэм, лишь поставлял для их стола свежую плоть моря.

— Мечтаешь опять? — рядом возник Льюис, его единственный друг. Лицо Льюиса всегда было грязным, но глаза смеялись. — Вижу, ты уже мысленно там, в замке, в шелках, и тебе подают жареного павлина на золотом блюде. — Мечтаю не о павлинах, — хмуро ответил Сэм. — Мечтаю чтобы все это смыло одним большим приливом. Или чтобы я смог сбежать туда, где нет этого вечного запаха и этих вечных подачек. — Куда? В других губерниях может быть еще хуже, чем здесь, — флегматично заметил Льюис. — А вот жареный павлин — это идея.

К обеду, когда корзины были набиты огромными синими крабами и отборными моллюсками, в гавань прискакал гонец. Его лошадь, породистая и нервная, выглядела чужеродным существом среди ослов. — Губернаторы прибывают на «Пир Прилива»! — прокричал гонец, не слезая с седла. — Проверьте поставки. Малейший брак — и ваша лицензия пойдет на растопку! А вы сами — следом! Сэм сжал кулаки.

«Пир Прилива». Пока они будут пировать и есть крабов, деревня будет доедать вяленую треску.

— Нужно выдвигаться, доставить все корзины в замок, — сказал Эрн, обращаясь к Сэму. — Будь аккуратен. Он неожиданно провел грубой, шершавой ладонью по голове племянника. Жест был непривычный, почти нежный. Сэм отдернулся. — Что с тобой? Я не первый раз доставляю. — Просто будь, — глухо ответил Эрн, и его взгляд, обычно твердый, как скала, на миг ушел в сторону. Сэм, не понимая этой внезапной заботы, лишь пожал плечами и вскарабкался в повозку рядом с Льюисом. Эрн долго смотрел вслед уезжающей телеге, пока та не скрылась за поворотом дороги, ведущей вверх, к Черной скале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.